

Спустя неделю после отъезда Лян Цю пришла пора и Шэнь Няню отправляться на учёбу. Жить в общежитии он не стал, предпочтя ежедневно ездить из дома.

Ещё когда Лян Цю впервые обмолвился об отъезде в Шанхай, Шэнь Нянь понимал: будет тяжело. Но он и помыслить не мог, что настоящая, въедливая тоска накатит лишь с началом занятий — медленно, нить за нитью, опутывая душу.

В велосипедном навесе его больше никто не ждал. На переменах никто не подсаживался на край парты, шутя и смеясь; в столовой никто не окликал, чтобы пойти обедать вместе. Больше никто не подкладывал ему тайно лучшие кусочки мяса, уверяя, будто сам их терпеть не может, и никто не тащил на баскетбольную площадку — «для укрепления здоровья».

Лишь когда всё, что прежде делалось вдвоём, теперь пришлось проходить в одиночку, когда одиночество просочилось во все щели его быта, Шэнь Нянь осознал: расставание с Лян Цю ранило его куда сильнее, чем казалось поначалу.

Наверное, оттого, что Лян Цю оставался последним близким человеком рядом с ним.

Когда ушла Ю Сяоюэ, Шэнь Нянь убеждал себя: какая разница, она всё равно его не любила, зато остался Шэнь Чуншань. Когда Шэнь Чуншань уехал на заработки, пообещав вернуться не скоро, Шэнь Нянь уверял себя, что отец и дома-то не проявлял особой заботы, так что с ним, что без него — не всё ли равно? Ведь были ещё бабушка Цинь и Лян Цю.

А когда настала пора уезжать и бабушке Цинь, он твёрдо твердил себе: то, что она опекала его столько лет, — уже великое счастье. Бабушка заслужила жить так, как хочет сама. А у него есть Лян Цю — с ним они всегда находили общий язык. Но теперь уехал и Лян Цю. И Шэнь Нянь просто не знал, какими словами теперь себя утешать.

Он остался совершенно один.

Шэнь Нянь искренне верил, что справится. В конце концов, он никогда не питал иллюзий, будто кто-то задержится возле него навечно. Он давным-давно привык к тому, что люди приходят и уходят. В этом мире каждый рано или поздно остаётся один — просто к Шэнь Няню это осознание пришло чуточку раньше, чем к остальным.

Казалось бы, он обо всём с собой договорился, со всем смирился... И всё же привыкнуть не получалось.

Лян Цю был словно последним заслоном между ним и беспросветной пустотой. Стоило этой преграде рухнуть, как Шэнь Нянь воочию познал всю сокрушительную силу одиночества. Он физически ощущал, как оно шаг за шагом поглощает его, разрывая изнутри.

Он даже утратил способность сходитьсь с людьми, искренне считая это бессмысленным: любые

знакомства неизбежно заканчиваются расставанием, а итог всегда один — ты снова один.

Шэнь Нянь становился всё более молчаливым. В классе отвечал лишь тогда, когда к нему обращались напрямую, держался особняком, а дома и вовсе едва размыкал губы. Иногда за едой он чувствовал тупую ломоту в скулах — челюсти затекали от долгого молчания.

Он понимал, что не должен так угасать, подобно дряхлому старику, но просто не знал, как жить иначе.

Он уже готовил себя к тому, чтобы окончательно покориться этой пустоте.

Прежде ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного.

Он не ведал, насколько ещё хватит его сил.

Оставалось лишь брести вперёд — пока ноги не подкосятся.

В тот день Шэнь Нянь закончил дежурство по классу уже под вечер, когда школьный двор опустел. Дома его никто не ждал, спешить было незачем, поэтому он неторопливо покатил велосипед к воротам — и неожиданно замер на выходе.

На противоположной стороне улицы всё ещё работал лоток с жареными шашлычками. Несмотря на расстояние, до Шэнь Няня долетала аппетитная волна пряных запахов. Впрочем, остановился он вовсе не из-за голода — его внимание привлёк одиноко стоявший у тележки силуэт. Он показался странно знакомым.

Впервые за два с лишним месяца Шэнь Нянь увидел Гу Чжи.

Мальчишка не отрываясь смотрел на скворчащую на жаровне еду, всем своим видом выражая отчаянную жажду съесть хоть кусочек. Одежда на нём висела мешком и выглядела весьма затасканной. В руках Гу Чжи сжимал грязно-зелёный плетёный мешок, сквозь который проглядывали забитые доверху пластиковые бутылки.

Пока Шэнь Нянь раздумывал, стоит ли подойти, Гу Чжи уже отвернулся от лотка и шагнул к ближайшему мусорному баку. Запустив руку внутрь, он выудил две пустые бутылки, сноровисто сплющил их пяткой, убрал в торбу и направился к следующему контейнеру.

Словно под гипнозом, Шэнь Нянь двинулся следом. На расстоянии, не приближаясь, он наблюдал, как мальчик останавливается у каждого бака, выбирает всё подходящее, а если ничего не находил — молча идёт дальше. Возле уличных лавок и закусных Гу Чжи иногда

замирал, но лишь на мгновение. Когда сердобольные торговцы протягивали ему какую-то еду, он молча качал головой и упрямо шагал прочь.

Потеряв надежду на чужую ласку и внимание, он словно сбросил колючую броню враждебности и настороженности. И оттого казался самым обыкновенным ребёнком.

По крайней мере, сейчас перед Шэнь Нянем был лишь несчастный мальчишка, изо всех сил цепляющийся за жизнь.

Смеркалось. Шэнь Нянь и сам не мог бы объяснить, зачем брёл за Гу Чжи, пока тот не пришёл к заброшенному, полуразрушенному кварталу. На углу улицы Шэнь Нянь остановился. Он смотрел, как мальчик, таща за собой тяжёлый мешок, переходит дорогу и скрывается за обвалившимся забором пустыря.

У него не было ни школы, ни дома.

Он ютился здесь совершенно один.

Шэнь Нянь и помыслить не мог, что после ухода из их дома Гу Чжи предпочтёт именно такую жизнь. Шэнь Чуншань, видимо, тоже этого не предполагал — оттого и метался по городу целыми днями без малейшего результата. Этот ребёнок, уверовавший, будто его вновь выставили за порог как ненужную вещь, скорее готов был скитаться по развалинам, чем вернуться. Лишь бы снова не переживать ужас отчуждения.

Возможно, в этом кропотливом выживании заключалось его последнее упрямство. Последний способ сохранить хоть капли собственного достоинства.

Шэнь Нянь простоял на перекрёстке очень долго. Зажглись редкие фонари, стемнело окончательно, и полуразрушенные стены в глубине двора стали казаться жутковатыми. Лишь тогда он медленно повернул назад. Мысли спутались в тугой ком. Когда в кармане запел телефон, Шэнь Нянь взглянул на экран — высветилось имя Шэнь Чуншаня, который давно ему не звонил.

Отец столько времени не подавал вестей и объявился аккурат тогда, когда Шэнь Нянь случайно наткнулся на Гу Чжи. Видимо, между ними действительно существовала какая-то мистическая связь. Оглянувшись на тёмные развалины, Шэнь Нянь поднёс трубку к уху:

— Папа.

— Ты дома? — В динамике доносился шум улицы и какие-то посторонние звуки.

— Да, — соврал Шэнь Нянь.

Шэнь Чуншань помедлил, словно не зная, о чём ещё спросить, и наконец произнёс:

— Про Сяо Чжи ничего не слышно?

Шэнь Нянь смотрел на тёмные окна заброшенного дома. Его голос прозвучал ровно и сухо:

—... Ничего.

— Ладно... Нет так нет, я просто спросил, — замялся отец. — Ну, тогда давай. Если что потребуется — звони.

Шэнь Нянь сбросил вызов и медленно перевёл взгляд на дорогу. Он не знал, правильно ли поступил, но впервые за долгое время почувствовал странный, почти детски-злорадный укол облегчения. Словно глотнул прохладного мороженого в сокрушительный летний зной.

Быть может, где-то в глубине души Шэнь Нянь и впрямь был эгоистичным и дурным человеком — просто прежде тёмные стороны его натуры оставались надёжно скрыты. Но сейчас он всей душой не желал, чтобы Шэнь Чуншань нашёл Гу Чжи. Не хотел, чтобы отец приволок мальчишку обратно, и тем более не хотел снова о нём заботиться.

Это не его крест.

Пусть всё остаётся как есть.

В конце концов, он ничего не видел.

Нажав на педали, Шэнь Нянь свернул за угол, будто его здесь никогда и не было.

Лян Цю обещал приехать на октябрьские праздники. Шэнь Нянь так радовался, что накануне долго не мог уснуть. Он приготовил тысячу слов: всё то, о чём боязливо умалчивал по телефону, чтобы не тревожить друга. Ему казалось, стоит Лян Цю появиться на пороге, и он сможет выплеснуть всю накопившуюся боль.

Но Лян Цю не приехал. На Шанхай обрушился проливной ливень, и все рейсы отменили. Когда друг позвонил со сбивчивыми извинениями, Шэнь Нянь сидел на крыльце северного флигеля и смотрел в абсолютно чистое, безоблачное небо. И именно тогда он впервые остро ощутил, насколько же далеко они друг от друга.

Насколько далеко, что у них даже небо разное.

— Ничего страшного, — улыбнувшись в трубку, ответил Шэнь Нянь. — Раз у тебя не получается, схожу с одноклассниками в библиотеку.

— С одноклассниками? — переспросил Лян Цю с недоверием. — С какими ещё одноклассниками? У тебя появились друзья? Как зовут? Сколько им лет? Как выглядят?

Шэнь Нянь тихо рассмеялся:

— Лян Цю, ты, конечно, мой лучший друг, но не единственный же! Забыл, что я сдал экзамены лучше всех в районе? Ты даже не представляешь, какой я популярный.

Больше всего Лян Цю переживал, как бы Шэнь Нянь после его отъезда не замкнулся в себе. Услышав эти слова, он немного успокоился. Перекинувшись ещё парой фраз, они попрощались. Шэнь Нянь опустил руку с телефоном, прислонился затылком к побелённой стене и уставился в поднебесье. Ему вдруг вспомнилась бабушка Цинь.

Он не раз видел, как она сидит в одиночестве у завалинки и тоскливо глядит на облака. Тогда, окружённый заботой бабушки и дружбой Лян Цю, Шэнь Нянь не понимал, что именно она пытается там разглядеть и чего ждёт.

И лишь теперь до него дошёл смысл того молчаливого ожидания. Она просто перебирала в памяти свою жизнь, гадая, как же так вышло, что под конец пути она осталась совсем одна.

Шэнь Нянь просидел на крыльце весь день: от мягких лучей рассвета до полуденного зноя и закатного багрянца. За это время над его головой проплыла тридцать одна тучка, а на ветви дворового дерева прилетели двадцать три воробья — хотя он и не был уверен, были ли среди них одинаковые, ведь различить их он не умел.

Он знал лишь то, что этот день тянулся невыносимо долго.

Настолько долго, что казался бесконечным.

Не спавший прошлую ночь и просидевший весь день без единого куса во рту, Шэнь Нянь думал, что рухнет на подушку и мгновенно забудется сном. Но едва оказавшись под одеялом, он начал беспокойно ворочаться, одолеваемый внезапной липкой тревогой.

Отчего вокруг такая звенящая тишина? Почему за окном не слышно даже птичьего чириканья? Они что, улетели по гнёздам? Уснули? Тогда почему не спит он сам? Ведь он тоже дома... В пустом доме, где никто больше не выставит за дверь и не станет бороться за жизненное пространство. Теперь все комнаты принадлежат ему — спи в любой, меняй хоть каждую ночь.

Но почему же тогда ему так неудобно? Разве раньше, много лет назад, он не жил точно так же

целых три года?

Шэнь Нянь пытался заставить себя успокоиться, но ком в груди сжимался всё сильнее. Духота, тёмная тоска, нехватка воздуха... Ему до зареза нужен был хоть какой-то звук — любой, лишь бы разогнать тишину. Вскочив с кровати, он ринулся в гостиную, чтобы включить телевизор, и только возле тумбы вспомнил: прибор давным-давно разбит вдребезги во время очередного приступа безумия Гу Чжи. Починить его было нельзя, а новый так и не купили.

Шэнь Нянь замер посреди тёмной комнаты в полной растерянности. Он не представлял, что ещё сделать, чтобы изгнать эту мёртвую тишину.

Выйдя во двор, он поднял глаза на ветви старого дерева. Почему даже птицы не хотят свивать здесь гнёзда? Будь на ветке хотя бы одно соломкой свитое гнездо, разве не казался бы он себе менее одиноким?

Октябрьские ночи дышали свежей прохладой, но возвращаться в душную комнату Шэнь Нянь не хотел. Во дворе тоже царил покой, однако оттуда хотя бы доносились редкие шаги поздних прохожих в переулке, гул телевизора из соседского дома да чьё-то глухое покашливание.

Он снова опустился на крыльцо.

Эти крохотные проявления чужой жизни дарили ему умиротворение.

Пусть даже приходилось изо всех сил напрягать слух, вслушиваясь в ночные шорохи.

Ближе к утру затихло всё. Прохожие разошлись по домам, соседи погасили свет, и Шэнь Нянь остался один на один со мраком. Он долго ждал хоть какого-то шороха, но, так ничего и не дождавшись, поднялся и поплёлся в спальню. Наверное, сказывалась крайняя усталость: уставившись в тёмный потолок, он вскоре сам не заметил, как погрузился в сон.

На следующий день он не стал засиживаться дома. Перекусив на скорую руку, Шэнь Нянь выскочил за ворота. Никакой цели у него не было: ни в библиотеку, ни к несуществующим приятелям он не собирался. Он просто больше не мог считать птиц и проплывающие тучи. Не мог ровно и смирно сидеть на крыльце, сходя с ума от тишины.

Если уж ему суждено коротать время в одиночестве, то лучше делать это на людных улицах или у спортивной площадки, наблюдая, как чужая молодость кипит смехом и азартом.

Но площадки неизбежно опустеют — обессиленные и проголодавшиеся игроки разойдутся по домам. Шэнь Нянь сидел в самом дальнем углу, молчаливо сопереживая их азарту, а когда игра закончилась, свернул на оживлённый перекрёсток, чтобы провожать взглядом суетливых прохожих. Он и сам не понимал, что с ним происходит и зачем он всё это делает.

Где-то в глубине души томила́сь смутная догадка: он болен. Вот только что это за недуг и хватит ли у него сил его пережить — Шэнь Нянь не знал.

<http://bllate.org/book/20601/2146151>